

# ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВОЙНЫ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Георгий Олегович Суханов

аспирант кафедры церковно-практических дисциплин  
общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых  
равноапостольных Кирилла и Мефодия  
115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр.1  
suxanov.georgij@bk.ru

**Для цитирования:** Суханов Г. О. Общественно-политическое и философское осмысление войны в Новейшей истории // Богословский вестник. 2024. № 2 (53). С. 281–312. DOI: 10.31802/GB.2024.53.2.012

## Аннотация

УДК 12 (140)

Основная цель исследования — хронологический обзор и сравнительный анализ философских взглядов на войну в период Новейшей истории. В работе применяются сравнительно-исторический и герменевтический методы. Для достижения поставленной цели рассматриваются значимые общественно-политические, философские труды, затрагивающие проблему осмысления войны. Первая и Вторая мировые войны — ключевые события современной истории, требующие ясности понимания. Эпоха тотальной войны сменяется обманчивым затишьем второй половины XX века: мировое пространство занимают ассиметричные конфликты и гибридные войны. Милитаризм утрачивает позиции: на смену приходит постгероическая эпоха. Интеллектуальное поле занимают вновь востребованная теория справедливой войны и классические оппоненты в лице реалистов и неореалистов. Исследование выявляет преимущества и недостатки восприятия войны различными «нормативными теориями» и определяет их влияние на исторические события Новейшего времени.

**Ключевые слова:** нормативные теории войны, современная теория справедливой войны, реализм, неореализм, пацифизм.

## Socio-Political and Philosophical Understanding of War in Modern History

**George O. Sukhanov**

PhD student at the Department of Church and Practical Disciplines at the Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies

4/2-1, Pyatnitskaya st., Moscow, 115035, Russia

suxanov.georgij@bk.ru

**For citation:** Sukhanov, George O. "Socio-Political and Philosophical Understanding of War in Modern History". *Theological Herald*, no. 2 (53), 2024, pp. 281–312 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2024.53.2.012

**Abstract.** The main purpose of the research is a chronological review and comparative analysis of philosophical views on war in the period of Modern history. Comparative historical and hermeneutical methods are used in the work. To achieve this goal, significant socio-political and philosophical works dealing with the problem of understanding the war are considered. The First and Second World Wars are key events in modern history that require clarity of understanding. The era of total war is being replaced by a deceptive lull in the second half of the twentieth century: asymmetric conflicts and hybrid wars occupy the world space. Militarism is losing ground: the post-heroic era is coming to replace it. The intellectual field is occupied by the newly demanded theory of just war and classical opponents in the person of realists and neorealists. The study reveals the advantages and disadvantages of the perception of war by various «normative theories» and determines their impact on the historical events of Modern times.

**Keywords:** normative theories of war, modern theory of just war, realism, neorealism, pacifism.

## Введение

Двадцатый век стал веком военного противостояния. Этот процесс носил как открытый характер прямого столкновения, так и закрытый характер «холодной» войны. Две мировые войны, противостояние в рамках борьбы идеологических систем, большое количество конфликтов на периферии этого процесса потребовали немедленного переосмысления войны и отказа от милитаристического подхода. Концепция тотальной войны, захватившая мировое пространство в начале Новейшей истории, привела к глобальному кризису всех отраслей человеческой деятельности.

Показательно, что появление тотальной войны во многом связано с философским осмыслением войны Карлом фон Клаузевицем. Некорректная интерпретация идей прусского теоретика послужила вовлечением в войну всех слоёв населения. Принцип К. фон Клаузевица о необходимости единства народа, армии и правительства для достижения победы<sup>1</sup> привёл к уничтожению границ между комбатантами и нонкомбатантами, что привело к рекордным жертвам среди мирного населения.

Поствоенный период ознаменовался продолжительной «холодной войной». К её окончанию сформировались новые подходы к осмыслению войны, базирующиеся на знакомых принципах. Классический политический реализм Х. Моргентау<sup>2</sup> был дополнен идеями неореалистов, в частности К. Уолцем<sup>3</sup>.

Противовесом позиции реалистов в интеллектуальном поле стала обновлённая М. Уолцером<sup>4</sup> теория справедливой войны. Показательно, что многие исследователи феномена войны признают, что затяжной кризис теории справедливой войны — доминирующего подхода в Средневековье, но забытого в начале Новейшей истории, стал одной из причин масштабов бедствий мировых войн. Теория справедливой войны осуждала насилие и существенно его ограничивала.

На фоне того, что характерным образом изменилось отношение к ценности человеческой жизни, во второй половине XX в. происходит усиление позиций пацифизма. Появление ярких лидеров общественных

1 Клаузевиц К., фон. О войне. Москва; Санкт-Петербург, 2007.

2 Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York (N. Y.), 1978.

3 Waltz K. Man, The State and War: A Theoretical Analysis. New York (N. Y.), 2001.

4 Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration. New York (N. Y.), 2015.

мнений: Мартина Лютера Кинга и Махатмы Ганди — популяризировало пацифизм, но не сделало его эффективным при решении проблемы войны.

Наконец, рассматриваются современные попытки роботизировать войну, сделать её исключительно технической и попробовать реализовать проекты вечного мира благодаря научному прогрессу. В исследовании демонстрируется динамика процесса осмысления войны путём последовательного рассмотрения разных подходов.

### **1. Мировая общественность перед лицом тотальной войны**

Геополитическая обстановка на рубеже XX столетия обострила проблему, возникновение которой опасался К. фон Клаузевиц. Ведущие европейские страны вели решительную подготовку к войне за передел мира. Технический прогресс вывел на новый уровень гонку вооружений, апофеозом которой стала холодная война между СССР и США в середине XX столетия. Но даже в начале XX в. значительная часть экономического потенциала мировых лидеров была направлена на умножение оборонного комплекса. Постепенно феномен войны прекратил быть политическим придатком. Война включала в себя экономику, финансовую сферу, науку. Многие известные военные аналитики не смогли по достоинству оценить угрозу многократно возросшего военного потенциала. Например, известный российский финансист, автор книги «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», Иван Блюх (1836–1901), отмечал, что новая мировая война станет экономической катастрофой для всех её участников. Российский банкир ссылался на колоссальный военный потенциал государств, новейшие технические разработки в военном комплексе, которые станут причиной многочисленных разрушений и послевоенных кризисов.

Тем не менее И. Блюх с оптимизмом смотрит в будущее. Приближающаяся мировая война не кажется очевидной. Напротив, И. Блюх видит в техническом прогрессе, а особенно в развитии фортификации, серьёзный сдерживающий фактор. И. Блюха нельзя упрекнуть в непредусмотрительности: любая затяжная война, в ходе которой будет оказано серьёзное сопротивление, приведёт к неизбежным плачевным последствиям, что невыгодно правительствам государств.

С точкой зрения И. Блюха солидарен британский журналист, парламентарий от лейбористской партии Ральф Энджелл (1872–1967). Автор

«Великой иллюзии» прямо говорит про тщетность и опрометчивость новой войны. Р. Энджелл с нескрываемым оптимизмом отмечает возросшие экономические связи между мировыми державами, которые должны стать доброй альтернативой военным столкновениям. Другими словами, И. Блюх и Р. Энджелл во многом отражали настроение буржуазной прослойки общества: строительство нового мира должно было зиждиться на прогрессе, тесных экономических связях и развитии международного права. Нарращивание военного потенциала должно было стать отрезвляющим фактором для возможных агрессоров.

## **2. Осмысление войны русскими мыслителями начала XX века**

В этот период тема войны не обошла и российских философов. Показательно, что мыслители рассуждали о войне в контексте православной веры, что делает их суждения ещё более ценными и самобытными. Примечательно, что в случае России Первая мировая война послужила катализатором революций и гражданской войны, что полностью изменило устройство общества и значение православия, поэтому такие видные философы как Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, а также историк А. А. Керсновский посчитали гражданским долгом дать осмысление войны.

### **2.1. Н. А. Бердяев**

Н. А. Бердяев (1874–1948) определяет войну как духовное испытание, которое происходит ввиду разрыва отношений человека с Богом. Во многом эта точка зрения схожа с позицией другого православного мыслителя эпохи, свт. Николая Сербского, который основной причиной войны называл грех, а война между людьми становилась, таким образом, следствием войны человека против Бога.

Н. Бердяев признаёт, что война выявляет зло и определяет его главную опасность. Человек, охваченный войной, начинает объективировать своего врага, то есть обесчеловечивает его. Таким образом, множится жестокость, и человек не чувствует вины за совершённое на войне насилие. Этот факт отрицания личности врага и непризнание

его свободы отдаляют человека от необходимой соборности, предполагающей человечность, духовность и красоту<sup>5</sup>.

С другой стороны, Бердяев называет войну великой проявительницей<sup>6</sup>. Война может преподнести не только материальные блага, но и дать необходимое духовное единство, которое в перспективе может привести к осознанию всечеловеческого единства.

Война может иметь благородные цели: защита семьи, верность Родине, борьба за духовные и религиозные ценности. Если человек сражается за свободу других, то война становится актом самопожертвования, а значит, искуплением человеку за его грехи. Бердяев отмечает, что цена за подвиг высока: на кону стоит жизнь. Но духовное преобладает над материальным: тело может быть уничтожено, а душа останется бессмертной.

Наконец, Бердяев рассуждает о роли христианина на войне. Нравственная проблема очевидна: на войне человек совершает убийство, что идёт вразрез с христианскими ценностями. Бердяев призывает к осознанию коллективной ответственности за войну. Причина войны — греховность человека, она касается не только солдат, но и всех граждан, переживающих войну. Таким образом, всё население становится непосредственным участником войны, виновным в её появлении и несущим за это ответственность. Признание вины, покаяние всего народа может послужить духовному обновлению человека. Только в этом случае война станет искуплением вины и началом всечеловеческой любви<sup>7</sup>.

## 2.2. А. А. Керсновский

Тема войны подробно разбирается у известного военного историка — автора труда «Философия войны» А. А. Керсновского (1907–1944). А. А. Керсновский принимал непосредственное участие в боевых действиях, поэтому его философия связана с практическим опытом войны. В этом плане его можно сравнить с военным теоретиком и боевым офицером К. фон Клаузевицем.

5 *Боянич П.* Этика войны в странах православной культуры: Коллективная монография. Санкт-Петербург, 2022. С. 58.

6 *Бердяев Н. А.* Душа России // Русские философы о войне. Москва; Жуковский, 2005. (Классическая военная мысль). С. 271.

7 *Бердяев Н. А.* Мысли о природе войны // Русские философы о войне. Москва; Жуковский, 2005. (Классическая военная мысль). С. 290.

А. А. Керсновский разделяет войны на три типа: войны духовные, в основе которых находится защита высших ценностей; войны государственные, преследующие интересы своей страны; и бескорыстные авантюры — войны, не отвечающие интересам законных правителей или нации<sup>8</sup>.

В первом случае война приобретает статус справедливой. Войны государственные могут быть также справедливыми, но этот статус сложно определить. Тут происходит возвращение к проблеме философов войны и теоретиков Нового времени, которые отмечали монополизацию войны государством и оправдывали любые действия государств, так как они совершались в интересах собственной нации. Наконец, последний вид войны является преступным и не может считаться справедливым. А. А. Керсновский приводит характерные примеры типов войны. Например, сторонники монархизма в гражданской войне защищали православие — высшую духовную ценность, поэтому их война была справедливой. Большевики, напротив, отказались от духовности, и война в их случае являлась исключительно насилием.

Показательно, что А. А. Керсновский, как и К. фон Клаузевиц, не считает войну злом. Война является средством достижения победы. В этом случае их позиции различаются: К. фон Клаузевиц определял войну стремлением навязать сопернику политическую волю, а А. А. Керсновский видел в войне средство установления мира и всеобщей гармонии.

### 2.3. И. А. Ильин

Тема войны достаточно подробно разбирается в работах ещё одного российского интеллектуала XX в. — И. А. Ильина (1883–1954). В сочинении «Основное нравственное противоречие войны» И. Ильин рассматривает войну с точки зрения тяжёлой нравственной дилеммы. Война логична и не случайна, она является закономерным следствием жизни человека, поэтому каждый является её виновником. Война ставит каждого человека перед сложным этическим выбором: можно ли совершить убийство?<sup>9</sup> И. Ильин подчёркивает, что даже на справедливой оборонительной войне убийство является серьёзным индивидуальным

8 Керсновский А. А. О природе войны // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции / сост. И. В. Домнин. Москва, 1999. С. 19.

9 Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Он же. Собрание сочинений. Т. 5. Москва, 1996. С. 14.

преступлением человека. Любое убийство — грех, направленный против творения Божия, поэтому на войне человек сталкивается с муками совести, даже когда понимает, что совершённое убийство — необходимость для выполнения долга перед Отечеством. Возможность преодолеть такое духовное испытание является важнейшей ценностью христианского мировоззрения воина.

Таким образом, оправданная война имеет огромный смысл для вовлечённого в неё народа: является сохранением духовного достоинства, борьбой за высшие ценности. Война становится вызовом каждому христианину. Только благодаря самопожертвованию ради своего народа и духовному служению Творцу человек способен преодолеть нравственные страдания и осознанным волевым поступком стать неправедным, сражаясь за правое дело.

Это утверждение является основополагающим в размышлениях И. Ильина. Неправедность не означает греха, это есть признание собственной ответственности в несовершенном мире, требующем нравственной жертвы. Истинный христианин должен бороться за правое дело Божие<sup>10</sup>, даже если в конкретном случае возникает моральный конфликт с душой.

Осмысление войны И. Ильиным во многом совпадает с позициями других российских интеллектуалов современной ему эпохи. Война — серьёзный нравственный вызов и парадокс. Воин-христианин должен совершить волевое усилие — возразить душе, но обновить дух. Война даёт ему такую возможность, она существует для борьбы со злом, а её правильное осмысление — неотъемлемая часть пути к спасению.

Позиция русских религиозных философов начала XX века во многом совпадает с точкой зрения православных святителей. Война является одной из многочисленных форм проявления зла, но не является его абсолютом. Причиной войны и поражений является греховность человека. В частности, об этом говорит прав. Иоанн Кронштадтский (1829–1908), когда отмечает, что поражение армии в войне с Японией вызвано неверием, безбожием, гордыней и упадком нравственности русского народа<sup>11</sup>.

10 Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. 20. О ложных решениях проблемы // *Он же*. Собрание сочинений. Т. 5. Москва, 1996. С. 195.

11 Иоанн Кронштадтский (Сергиев), *прав.* Слово 9 (31). На день перенесения св. мощей благоверного великого князя Александра Невского, бывшего в 1724 году при Императоре Петре I-м, из Владимира в Петербург // Новые грозные слова отца Иоанна (Кронштадтского) «О Страшном поистине Суде Божиим грядущем и приближающемся». 1906–1907



Свт Николай Сербский (1880–1956) называет войну — карой человека за его грехи. Святитель призывает людей противостоять лично-му греху, отмечая, что постоянная внутренняя борьба со злом должна привести к покаянию и спасению и устранению войн материальных.

Феномен самопожертвования на войне — важный фактор, объединяющий православных религиозных философов и богословов нач. XX в. Например, сщмч. Иоанн Восторгов (1864–1918 гг.) призывает к милосердию и молитве по отношению к русским воинам. Священник-миссионер отмечает необходимость

«проникнуться благодарною любовью к нашим героям-воинам, умирающим за нас на полях брани, к раненым, больным, и прийти к ним с посильной помощью»<sup>12</sup>.

Многочисленные точки соприкосновения в размышлениях о войне русских религиозных философов и лучших представителей Православной Церкви символизируют наличие общего базиса. Этим фундаментом может являться святоотеческое учение, которое раскрывает заповедь Иисуса Христа:

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

В начале XX века философы и богословы осуждали насилие и противились злу, но признавали войну справедливой проявительницей. Справедливой по грехам людей, требующей искупления и самопожертвования, покаяния перед Творцом. Безусловно, степень глубины осмысления войны религиозными философами и богословами может варьироваться. Например, А. А. Керсновский проводит классификацию войн: бескорыстные авантюры не могут иметь статус справедливой войны. Сам статус предполагает наличие жертвы и агрессора. Свт. Николай Сербский не видит смысла в поиске виноватых:

«Жители города торопливо обливают свои дома бензином. Не имеет никакого значения, кто первый бросит искру в город»<sup>13</sup>.

года. Санкт-Петербург, 1908. (Приложение к журналу «Кронштадтский Маяк» № 27 1908 г.). С. 86–88. [Приводится в современной орфографии.]

12 Восторгов И., прот. По поводу войны с язычниками // Он же. Полное собрание сочинений. Т. II. Санкт-Петербург, 1995. [Москва, 1914]. С. 422.

13 Николай Сербский (Велимирович), свт. Война и Библия / пер. с серб. С. П. Фонова; под общ. ред. И. М. Числова. Москва, 2022. С. 53.

Человечество само обрекло себя на тотальные войны, когда сделало окончательный выбор в пользу греха, отвергнув Божьи заповеди и возведя себе материальных кумиров. Признавая оригинальность осмысления войны русскими религиозными философами и святителями, стоит отметить их общий вектор размышлений: война — сложный исторический феномен, проявляющий и формирующий духовные качества человека, необходимые для его спасения.

### 3. Тотальная война

Примечательно, что оценка разрушительной мощи войны была предсказана верно, но мыслители рубежа веков столкнулись с извечной проблемой установления мира во всём мире. Учёные не учли фактор безрассудного эгоизма правителей государств. События первой половины XX столетия продемонстрировали правоту Ж.-Ж. Руссо и Э. Канта, обвинявших «власть имущих» в невозможности построения идеального мирного общества.

Первая мировая война унесла восемнадцать миллионов человеческих жизней, Вторая мировая война — семьдесят три. Впервые люди столкнулись с тотальной войной. Тотальная война является абсолютным, ничем не ограниченным состоянием войны, в которой политика отступает на второй план, а основная цель — полное уничтожение противника. К. фон Клаузевиц полагал, что такая война может быть лишь теоретической, но ситуация XX в. доказала обратное.

Кольмар фон дер Гольц (1843–1916) в труде «Вооружённый народ»<sup>14</sup> описывает феномен тотальной войны. Идея полного вовлечения народа в дела войны является по настоящему новаторской. Воюют армии, но нет различия на комбатантов и нонкомбатантов. Народ разжигает ненависть к другому народу, которая питает действующие армии и правительства. В системе тотальной войны политика не играет значительной роли вплоть до подписания мирных соглашений. Война, безрассудная, неограниченная, явившая абсолютную форму насилия, подчинила себе все сферы деятельности государства.

Вовлечённость народа в войну отмечал и Людвиг фон Мизес (1881–1973). Американский философ и социолог говорит не только о массовой мобилизации народа в армии. Л. фон Мизес подчёркивает

14 Гольц К., фон дер. Вооруженный народ: Сочинение об устройстве армии и образе ведения войны в наше время. Санкт-Петербург, 1886.

революционный поворот в сознании гражданского населения: люди должны жить войной, думать, как комбатанты и жертвовать всем ради победы<sup>15</sup>. Знаменитый немецкий философ Карл Шмидт (1888–1985) отмечал серьёзную опасность тотальной войны. Примечательно, что если в эпоху Нового времени политика полностью контролировала войну и пользовалась её эффективными методами, то в начале Новейшей истории война поставила под вопрос существование политики в целом. Невозможность заключения политического мира и утрата политической функции войны являлись прямой угрозой функционированию государственной системы. Сложилась ситуация, при которой абсолютная идеологизированная война рассматривалась как эсхатологическая борьба добра со злом для двух противостоящих сторон.

Серьёзная проблема тотальной войны заключается в том, что выход из состояния такой войны — это трудоёмкий и болезненный процесс. Практика мировых войн показала, что тотальные войны ведутся до полной победы одной из сторон, фактически до полного уничтожения армии врага. Примечательно, что лидеры стран, участвующих в тотальной войне, публично признают эту действительность, рассчитывая на лояльность народа. Йозеф Геббельс, шеф нацистской пропаганды, публично призывал немецкий народ жертвовать всем ради победы, аргументируя свою позицию тем, что после войны не будет триумфаторов, останутся живые и мёртвые. Й. Геббельс не скрывал, что война идёт на выживание, что о чётком разделении на комбатантов и не-комбатантов не может быть и речи.

Примечательно, что и в СССР возникали подобные мысли. Советский писатель, военный корреспондент И. Г. Эренбург (1891–1967) в статье «Убей», опубликованной в переломный момент на фронтах Великой Отечественной войны, приводит цитату, соответствующую духу тотальной войны:

«Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов»<sup>16</sup>.

Понадобились серьёзные усилия политработников в войсках чтобы изменить отношения солдат к врагу и показать различия между нацизмом и немецким народом. Эти обоюдные примеры символизируют

15 Мизес Л., фон. Всемогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война. Челябинск, 2006. С. 148.

16 Эренбург И. Г. Убей // Он же. Война. 1941–1945. Москва, 2004. С. 257.

не только ненависть по отношению к противнику. Они демонстрируют предельное состояние наций, где отчаянная борьба за выживание возводит насилие в абсолютную степень.

Приведённые примеры показывают тотальный характер Второй мировой войны. Показателен пример менее масштабной Первой мировой войны, который также характеризуется всеобщим вовлечением народа в события 1914–1918 гг. Например, русский богослов Сергей Булгаков (1871–1944) говорит не про регулярную императорскую армию, а про всеобщее русское воинство, где каждый должен совершить подвиг<sup>17</sup>. Безусловно, Булгаков говорит о духовной борьбе человека с грехом, что не отрицает его участия в морально-культурном осмыслении войны, делает его активным участником происходящих событий.

В период Первой мировой войны немецкий социолог Вернер Зомбарт (1863–1941) называл Великобританию страной торгашей, а Германию — нацией героев<sup>18</sup>. В. Зомбарт видел противостояние духовных архетипов, где прославленные герои должны одержать вверх над носителями духа «купи-продайщиков»<sup>19</sup>. Примечательно, что не только В. Зомбарт являлся ярким представителем милитаризма: многие его современники, участники войны, видели в победе духовное обновление нации.

Статистика жертв в период мировых войн не может быть оправдана стремлением к духовному обновлению наций. Милитаризм обернулся трагедией, в очередной раз изменившей осмысление войны. Вторая мировая продемонстрировала деструктивную силу тотальной войны. Учёные-аналитики проводили исследования по сравнению масштабов двух мировых войн. В Первую мировую количество мобилизованных превысило 70 миллионов человек, тогда как последующая война требовала вооружения 128 миллионов. Количество убитых военных и гражданских в ходе Второй мировой войны превысило 60 миллионов, что почти в четыре раза превышает потери в ходе предшествующей войны. Цифра 29 миллионов пленных в ходе второй войны в четыре раза превысила количество пленных в первой.

Отдельного внимания заслуживают следующие факты: в ходе Второй мировой войны жертв среди гражданского населения оказалось

17 Булгаков С. Н. Русские думы // Русские философы о войне. Москва; Жуковский, 2005. (Классическая военная мысль). С. 315.

18 Зомбарт В. Торгаши и герои // Он же. Собрание сочинений. Т. 2. Санкт-Петербург, 2005. С. 10.

19 Куманьков А. Д. Война, или в плену насилия. Санкт-Петербург, 2019. С. 119.

в три раза больше, чем среди солдат<sup>20</sup>. Сложившаяся ситуация стала прецедентом, демонстрирующим неконтролируемость абсолютной войны.

Безграничные возможности тотальной войны и её безусловное доминирование над другими отраслями человеческой жизни подтверждаются количеством расходов на военный бюджет. Нужды Первой мировой войны требовали 208 миллиардов долларов, тогда как последующая война использовала почти 1150 миллиардов долларов.

Удивительно, что беспрецедентные потери среди военнослужащих и гражданского населения не подтолкнули интеллектуалов к серьёзному анализу и поиску коренных причин бедствия. Признание коллективной вины и необходимости покаяния были заменены поиском виновного политического субъекта. С одной стороны, жестокость войны требовала ответной реакции — показательного наказания преступника. Эта задача была решена на заседаниях Нюрнбергского процесса. С другой стороны, последующее поствоенное осмысление произошедшего не сумело вернуть феномен войны в рамки теологического дискурса.

Итоги мировых войн сильно превзошли гипотетический ущерб человечеству, о котором говорили И. Блюх и Р. Энджелл в начале XX в. Надежда на благоразумие политиков не оправдала себя, человечество заплатило за это огромную цену. Примечательно, что трагедия мировых войн всё же коренным образом изменила статус войны в общественном сознании. Война стала ограниченной, на смену тотальной войне пришли колониальные и ассиметричные. Милитаристическое восприятие войны, спровоцировавшее мировые войны, привело к необходимости создания наднациональной системы международного права.

#### 4. Постгероическая эпоха

Создание ООН в 1945 г., а также мировое публичное осуждение страны-агрессора стали существенным фактором для предотвращения будущих масштабных столкновений. Нюрнбергский процесс, завершившийся казнью нацистских преступников, символизировал неизбежное наказание агрессора и возвращение к парадигме «агрессор — жертва». Сложившаяся Ялтинско-Потсдамская система разбила мир на два лагеря. США и СССР перешли в состояние холодной войны, которое характеризовалось ускоренной гонкой вооружения, но не перерастало в открытый вооружённый конфликт.

20 Куманьков А. Д. Война, или в плену насилия. Санкт-Петербург, 2019. С. 120.

Создание ядерного оружия закрепило биполярность мира и дало иллюзию определённой стабильности в геополитическом масштабе. Использование качественно новых методов ведения войны могло поставить вопрос о существовании человечества, поэтому оружие разрушительной силы стало гарантом ограничения масштабов войн и методов их ведения.

Гарантом безопасности стала резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г. Осуждение агрессии и отсутствие оправдательных причин для её проявления стали ключевыми пунктами резолюции. Примечательно, что любое проявление агрессии, вызванное различными причинами (экономической, политической, военной) приводит к международной ответственности, что является существенным сдерживающим фактором. Наконец, новые территории, приобретённые в ходе войны, считаются незаконными с точки зрения международного права<sup>21</sup>.

Биполярная система международных отношений, основанная на противостоянии США и СССР, разрушилась с распадом СССР. С одной стороны, холодная война между сверхдержавами держала в напряжении весь мир и могла послужить поводом к новой мировой войне. С другой стороны, военный потенциал государств сдерживал мир от потенциальной масштабной агрессии. Распад СССР изменил геополитическую парадигму последних десятилетий. Государства уменьшили траты на военно-промышленный комплекс, сокращалась численность армий, активно развивались экономические отношения между странами, вырос уровень жизни населения.

Все перечисленные выше факторы привели к наступлению «постгероической» эпохи. Война постепенно утратила легитимность. Если в предыдущей парадигме война являлась гарантом жизнеспособности государства, а граждане были обязаны вступать в войско и защищать государство, то в конце XX в. война открыто порицалась обществом. Война, некогда обеспечивавшая безопасность страны, стала угрозой этой самой безопасности. Серьёзные экономические и человеческие риски, связанные со вступлением в войну, сделали её неэффективной и нелегитимной на межгосударственном уровне. Сложившаяся ситуация в определённой степени может служить отсылкой к утопическому проекту Э. Канта, в котором политическая воля народа должна была блокировать ведение новых войн.

21 Резолюция генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 года // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать девятая сессия [18 сентября – 17 декабря 1974 г.]. Нью-Йорк, 1975. С. 181–182.

Американский военный эксперт Эдвард Люттвак (род. 1942 г.), назвавший современную эпоху постгероической, отмечает коренное изменение в психологии общества. Население болезненнее реагирует на человеческие жертвы, общественная эмпатия не ограничивается кругом родственников и друзей погибших, общественность ставит личные интересы выше политических<sup>22</sup>.

## 5. Феномен современной войны

На рубеже веков государства отказались от крупных войн. Примечательно, что это не стало окончанием насилия: война получила новую жизнь в асимметричных конфликтах. Интеллектуалы пытались найти новые формы, ведущие к достижению результатов, которые раньше давала война. Требования были простые: побеждать быстро, без критичных для общества потерь, на чужой территории. Главной характеристикой людей, связанных с войной, стал профессионализм. Он указывал не просто на высокий уровень требований к подготовке, но и отсылал к целой системе критериев, которая включала в себя немногочисленность вооружённых сил, стремление заменить человека машиной (в ряде вариантов деньгами), в определённой степени требовалось не выносить ряд этически сложных вопросов на повестку дня, подготовленную для мирного обывателя.

Высокая затратность такого проекта неизбежно приводила к закреплению деления людей на разные группы. Государства, способные решать внешнеполитические задачи на чужой территории образовывали клуб избранных стран. Остальные становились ареной военных столкновений. Такое неравенство перед смертью, страданием, борьбой вело к формированию новых форм фашизма, базирующихся на доступе к богатству.

Сам термин война стал употребляться существенно реже в привычном контексте, превращаясь в маркер социальных проблем, требующих вмешательства: война с бедностью, пьянством, наркотиками. Привычная война нашла отражение в вооружённых конфликтах, спецоперациях и контртеррористических акциях. Война потеряла масштаб, перестала считаться политической доминантой, но сохранила влияние на более низких уровнях. Английская учёная, политолог Мэри Калдор (род. 1946 г.) классифицировала участников новых конфликтов:

22 Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. Москва, 2012. С. 100.

«Эти войны ведут сети государственных и негосударственных участников. В обоих случаях можно перечислить три главные категории: повстанческие движения, автономные ополчения, часто стоящие на стороне правительства; коалиционные и правительственные силы»<sup>23</sup>.

Очевидно, что силы, задействованные в асимметричном конфликте, априори несопоставимы. Нерегулярные силы не могут сравниться с государственными образованиями в технике, вооружении и человеческом потенциале. Примечательно, что такое преимущество нивелируется за счёт террористических актов, направленных против мирного населения.

Террор, направленный на устрашение гражданских лиц, снимает моральные и правовые рамки конфликта, что приводит к неограниченному насилию. Неравные политические статусы участников асимметричной войны приводят к очевидной трудности современных конфликтов — невозможности заключить надёжный политический мир. Политический мир подразумевает договорённость равных по статусу сторон, что является невозможным в этом случае. Известный немецкий политолог Херфрид Мюнклер (род. 1951 г.) подтверждает неэффективность подписания конкретного мирного договора. Он полагает, что процесс примирения может быть затянутым и должен включать в себя трудную систему санкций и ультиматумов.

Примечательно, что процесс ведения современных войн настолько же сильно отличается от предыдущих сражений, как и процесс заключения мира. Асимметричные войны не предполагают наличия генеральных сражений, важность которых отмечал военный теоретик К. фон Клаузевиц. С другой стороны, постоянные стычки, мелкие конфликты, нерегулярные акты террора поддерживают медленный огонь длительной асимметричной войны. Реальность современного мира усугубляется тем, что зачастую невозможно определить рамки асимметричной войны, так как она становится частью повседневной жизни населения, экономики и бизнеса. Вовлечённость участников конфликта в бизнес подтверждает факт того, что новые войны перестали быть политическими, а в большинстве случаев являются грабительскими и хищническими.

Другой немаловажной проблемой современных войн является вовлечённость посторонних сторон в конфликт и многочисленные

23 Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. Москва, 2015. С. 308–309.



разноплановые интересы, которыми сопровождались войны. Перечисленные факторы кратно усложняют процесс примирения. Например, отсутствие единого командования у нерегулярных сил зачастую приводит к самостоятельности командиров и необходимости персональных договорённостей с ними. Другими словами, реальное заключение мира возможно лишь при удовлетворении запросов всех участников конфликта, в том числе и посторонних структур, не задействованных в войне открыто. Сложившаяся ситуация не предполагает быстрого разрешения конфликта и едва ли делает его возможным.

В середине 2000-х годов появляется термин «гибридная война». Гибридная война включает в себя средства конвенциональной и асимметричной войн. Традиционные методы ведения межгосударственной войны сочетаются с применением террора, диверсий, с организацией мятежей и революционных беспорядков в стане противника. Гибридные войны, как и асимметричные, упраздняют бинарность позиций: стираются границы между комбатантами и нонкомбатантами, конвенциональными и запрещёнными средствами ведения войны. Наконец, трудно определить чёткое различие между состоянием гибридной войны и заключением мира. Гибридные войны нельзя оперативно завершить благодаря применению военной силы: как и в случае асимметричных конфликтов, гибридные войны решаются при вовлечении третьих сил, с применением экономических и политических средств урегулирования конфликта.

Показательно, что гибридные войны являются наиболее приемлемым методом ведения агрессивной внешней политики для государств. Правительства финансируют нерегулярные образования, создают частные военные компании, тестируют вооружение на территории стран третьего мира. Ключевые фигуры геополитического устройства мира решают свои внешнеполитические задачи путём ведения так называемых прокси-войн. Прокси-войны предполагают столкновение государств на чужой территории без объявления официальной войны под предлогом необходимости вмешательства во внутренние дела третьего государства<sup>24</sup>. Другими словами, такая война ведётся «чужими руками» и чаще всего направлена на истощение своего политического оппонента.

Примечательно, что мировая общественность признаёт новую завуалированную форму войны, так как теоретически возможная мировая война приведёт к глобальному краху человечества. С этим

24 Куманьков А. Д. Война, или в плену насилия. Санкт-Петербург, 2019. С. 133.

утверждением согласен американский военный аналитик и историк Мартин ван Кревельд (род. 1946 г.). В книге «Расцвет и упадок государства» М. ван Кревельд скептически относится к возможному наступлению Третьей мировой войны. Ключевым сдерживающим фактором является ядерное оружие, но если, вопреки всем реалистичным прогнозам, война состоится, то она отправит человечество в каменный век<sup>25</sup>.

Серьёзные опасения по поводу наступления ядерной войны выражает франко-американский философ Рене Жирар (1923–2015). В своём труде «Завершить Клаузевица» Р. Жирар сравнивает ядерную войну на уничтожение с апокалипсисом. Р. Жирар продолжает развитие мысли прусского военного теоретика и интерпретирует её в свете современных событий. В духе реалистов Нового времени Р. Жирар не признаёт агрессора и жертву в вооружённом конфликте, отмечая парадокс: нападающий хочет мира, а обороняющийся — войны.

Современные реалии геополитики, глобализация, наличие противостояния Востока и Запада провоцируют, по мнению философа, устремление к крайности или утрате чувства реальности. Эти процессы могут привести к апокалипсису, триумфу человеческого насилия, последствия которого могут оказаться критическими. Показательно, что Р. Жирар не отрицает войну полностью и не является пацифистом, но призывает к войне против насилия. «Кто ищет покоя — тот обрекает худшее»<sup>26</sup> — финальная мысль его книги «Завершить Клаузевица».

Резюме современных войн может быть следующим: общественность настояла на отмене большой политической межгосударственной войны; мировые войны сменились гибридными и асимметричными; государства-лидеры продолжают решать свои проблемы теперь неофициально, новыми методами; насилие не исчезло, а предстало в наиболее беспощадной форме — терроре по отношению к нонкомбатантам; количественно жертв насилия всё же стало меньше; фактор ядерного оружия сдерживает человечество от новой мировой войны.

25 *Кревельд М., ван.* Расцвет и упадок государства / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. Москва, 2006. С. 514.

26 *Жирар Р.* Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром / пер. с фр. Москва, 2019. (Серия «Философия и богословие»). С. 300.

## 6. Современные теории войны

### 6.1. Классический политический реализм и неореализм

С окончанием Второй мировой войны появляются современные теории войны. Классический политический реализм стал ответом на провальные попытки сторонников идеализма установить вечный мир в период между мировыми войнами XX в. Важнейшими представителями политического реализма принято считать Ханса Моргентау, Эдварда Карра и Райнхольда Нибура.

В произведении «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир»<sup>27</sup> Х. Моргентау (1904–1980 гг.) ищет причину социальных потрясений в природе человека. Американский политолог видит человека эгоистичным существом, стремящимся навязать свою волю. Сущность человека не позволяет ему выстраивать отношения в обществе, опираясь исключительно на моральные качества. Примечательно, что образ человека Х. Моргентау во многом походит на человека Гоббса.

Государство объединяет природных эгоистов, поэтому оно само преследует личные цели и амбиции, пытается навязать свою волю другим и установить власть. Международное право, с точки зрения Х. Моргентау, является сомнительным способом установления мира во всём мире. В этом случае политический теоретик не согласен с идеалистами, которые возлагали серьёзные надежды на пакт Бриана-Келлога. Х. Моргентау убеждён, что международные законы работают лишь в случае паритета государств<sup>28</sup>, в противном случае на первом месте будет находиться принцип силы.

По мнению Х. Моргентау, политика играет ключевую роль при взаимодействии государств. Политика, как и прочие виды человеческих отношений, определяется интересом. Политический интерес — обладание властью. Задача политического лидера — соответствовать интересу нации, состоящему в том, чтобы выжить и упрочить свои позиции. Успешность лидера будет определяться в связи с выполненными задачами.

Примечательно, что Х. Моргентау, будучи представителем политического реализма, не отрицает наличие этики в политике, хотя и признаёт её ограниченность. Понятия морали и этики тесно связаны с политическим благоразумием, которое должно сохранять нации от ведения

27 *Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York (N. Y.), 1978.*

28 *Ibid. P. 4, 29.*

бесперывных войн<sup>29</sup>. Х. Моргантау признаёт, что моральные принципы не могут быть полноценно выполнены из-за несовершенства мирового устройства, однако можно приблизиться к их достижению через поиск баланса интересов между государствами<sup>30</sup>. Х. Моргантау классифицирует мораль на частную и политическую.

Политическая мораль не должна ассоциироваться с классическим человеческим пониманием морали. Политическая мораль имеет в основе вышеуказанный принцип благоразумия, который должен ограничивать степень насилия на войне, что не отменяет факт её признания. Война — политический инструмент, который имеет место в политических отношениях между государствами, хоть и является крайним методом. Война должна реализовывать политические задачи, но излишнее насилие должно осуждаться. Показательно, что Х. Моргантау призывает не судить о войне с точки зрения частной морали, так как это неблагоразумно. Государства и их лидеры в любом случае будут отстаивать свои политические интересы, пренебрегая общепринятыми для человека этическими нормами.

Идеи Х. Моргантау развивает другой американский политический философ. Кеннет Уолц (1924–2013 гг.) является представителем неореализма. В основе его представлений лежит принцип о том, что человек не просто эгоист и потому действует в собственных интересах. Человек стремится выжить, поэтому он эгоистичен и действует исходя из долгосрочной перспективы<sup>31</sup>.

Государства, по мнению К. Уолца, существуют по тем же принципам, что и отдельные индивиды. В основе существования государства находится единственная цель — выживание. Следовательно, основным признаком успешности государства не избыток власти, что характерно для классического реализма, а создание прочной системы национальной безопасности, гарантирующей государству существование.

Национальная безопасность не исключает ведения вооружённых конфликтов. К. Уолц сомневается в надёжности системы политических отношений и называет их анархическими. Непостоянство политики

29 *Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York (N. Y.), 1978. P. 4–6.*

30 *Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений: хрестоматия / под ред. П. А. Цыганкова. Москва, 2002. С. 73.*

31 *Коньшев В. Н. Американский неореализм о природе войны. С. 61–62.*

приводит к взаимному недоверию государств, что, в свою очередь, является причиной частых войн.

Уолц выдвигает интересное предположение о том, что государства вынуждены воевать из-за того, что над ними не существует общей власти<sup>32</sup>. В сложившейся ситуации К. Уолц призывает к соблюдению политического баланса, который поможет стабилизировать ситуацию. Показательно, что американский философ определяет биполярный мир как наиболее надёжную и сбалансированную систему. Государства вынуждены подстраиваться под две сверхдержавы, которые являются гарантом определённой стабильности, а ядерное оружие сдерживает мир от новой мировой войны.

Идеи классического политического реализма и неореализма во многом зиждутся на базовом принципе эгоизма человека. Следствия этого принципа распространяются на поведение человека во всех сферах. В свою очередь, реалисты признают, что аналогичная ситуация характерна для государственных образований. Государства преследуют собственные цели, а значит, воюют друг с другом. Война — крайнее, но законное политическое средство. Реалистов принято упрекать в излишнем прагматизме и в какой-то степени жестокости. Показательно, что представители реализма парируют тем, что не питают иллюзий в образе мировой утопии, где государства и их граждане смогут гармонично сосуществовать. Политический реализм не призывает к насилию и войнам, его цель — адекватно оценить текущую политическую ситуацию и исходить из принципа выживания и извлечения выгоды у политических оппонентов.

## 6.2. Теория справедливой войны

Колоссальные жертвы мировых войн и их последующее осмысление привели теорию реализма к кризису. Новые военные конфликты подвергались однозначной критике со стороны общественности. Появилось понимание того, что не каждая цель оправдывает средства, а ведение войн должно быть крайней вынужденной мерой. Политический реализм, выдвигающий на первый план интересы государств и считающий войну вполне допустимым и эффективным методом ведения политики, не мог удовлетворить новые потребности общественности.

32 Waltz K. Man, The State and War: A Theoretical Analysis. New York (N. Y.), 2001. P. 188.

Сложившаяся ситуация привела к необходимости поиска нового осмысления войны. В 70-е годы XX в. происходит возрождение теории справедливой войны. Теория справедливой войны находилась в глубоком кризисе со времён И. Канта, но американский теоретик войны Майкл Уолцер (р. 1935 г.) смог сделать её вновь актуальной.

В основе убеждений М. Уолцера стоял тезис о том, что государства могут взаимодействовать в соответствии с моральными принципами, как это делают люди. Вопрос о моральности войны, заданный М. Уолцером в книге «Справедливые и несправедливые войны: нравственный аргумент с историческими иллюстрациями»<sup>33</sup>, ставит под сомнение концепцию политического реализма. Государства привыкли жить в системе, где отсутствуют понятия жертвы и агрессора. Это привело к безнаказанности, увеличению количества войн и их жестокости. Реалисты признавали мораль исключительно в масштабах ограничения насилия на войне. Сама война не подчинялась морали.

М. Уолцер помещает войну в сферу моральных законов. Он не считает это проявлением идеализма или утопией. Война, как и любая сфера деятельности человека, должна быть подчинена нормам нравственности, которые вполне совместимы с природой человека.

Теория справедливой войны не может считаться близкой идеализму хотя бы по причине того, что она допускает войну. М. Уолцер отмечает, что война может быть даже необходимым средством при наличии причин, оправданных с точки зрения морали. Эти причины должны находиться вне экономических и политических интересов государств, поэтому справедливая война не может быть агрессивной, а является исключительно вынужденной. Показательно, что сторонники справедливой войны не оправдывают войну как таковую. Они оправдывают моральное право на участие в войне, признавая её разрушительность и безнравственность.

М. Уолцер выделяет справедливые причины для участия в войне. Оборонительная война является не просто допустимой, а обязательной для граждан. Американский политолог высоко оценивает чувство патриотизма и считает долг перед Отечеством высшим гражданским благом. Показательно, что М. Уолцер использует понятия долга, обязанности гражданина перед государством, необходимости самопожертвования ради Родины, но при этом делает акцент на нарушении прав человека агрессором в ходе войны. Таким образом, с одной стороны,

33 Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration*. New York (N. Y), 2015.

право человека на свободу и существование — неотъемлемая часть его бытия, а с другой — человек должен жертвовать своими правами ради интересов Отечества в случае борьбы против агрессора. Такая концепция является прямым подтверждением того, что мораль должна быть превыше всех сфер человеческой деятельности и даже его прав. М. Уолцер отмечает, что высшее преступление агрессора как раз состоит в том, что он вынуждает людей становиться перед моральным выбором: борьба за права или сохранение жизни<sup>34</sup>.

Другой немаловажной справедливой причиной начала войны является помощь государству, которое находится в состоянии оборонительной войны с агрессором.

Наиболее дискуссионной причиной является предупреждающий удар против агрессора. Показательно, что превентивная война является грубым нарушением международного права, однако в случае крайней необходимости можно нанести удар первым. Прежде всего, это касается ситуаций, когда поведение соседнего государства отчётливо указывает на его статус будущего агрессора. Спорность ситуации заключается в том, что очень сложно точно определить грань между агрессией и превентивным ударом. М. Уолцер оправдывает «нападение жертвы» возможностью действовать в целях общей безопасности и минимизировать количество потерь среди гражданского населения.

Очередной справедливой причиной войны М. Уолцер называет помощь восставшему народу против преступного правительства. Следующая причина имеет непосредственную связь с вышеупомянутой: контринтервенция является оправданием для начала боевых действий.

Наконец, гуманитарная интервенция, которая подразумевает помощь населению страны, которое находится под угрозой совершения террористических актов, геноцида или иных форм насилия, спровоцированных правительством или иных вневедомственных организаций.

М. Уолцер проводит чёткое различие между комбатантами и нонкомбатантами. Такая позиция соответствует духу теории справедливой войны, а также является логическим следствием итогов мировых войн. Согласно статистике, количество жертв среди гражданского населения существенно превышало армейские потери. Нонкомбатанты нуждались в защите, поэтому точка зрения М. Уолцера нашла поддержку общественности.

34 Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration*. New York (N. Y). P. 51.

Показательно, что не все постулаты теории справедливой войны были настолько приемлемы и безальтернативны. Например, в научной среде возникла полемика, посвящённая определению виновности комбатантов. М. Уолцер даёт однозначный ответ на поставленный вопрос. Солдаты вынуждены подчиняться приказу сверху, поэтому они не считаются виновными с моральной точки зрения.

Примечательно, что теория М. Уолцера во многом строится на различении моральных статусов государства-агрессора и его жертвы, причём атакующая сторона подвергается обвинению как в моральном, так и в правовом полях. Но главные действующие лица — солдаты по обе стороны конфликта — находятся в состоянии морального равенства. Безусловно, моральный паритет солдат может быть нарушен в том случае, если комбатант проявляет насилие к гражданским или убивает их. Убийство солдатом своего визави не является преступлением, поскольку комбатанты суть вооружённые профессионалы, которые в силу обстоятельств и специфики рода занятий вынуждены рисковать.

Сразу два тезиса в позиции М. Уолцера подвергаются критике со стороны современников. Профессор философии морали в Оксфордском университете Джефф Макмаан (род. 1954 г.) утверждает, что комбатанты со стороны государства-агрессора должны нести моральную и правовую ответственность за совершенное преступление<sup>35</sup>. Требование подчиниться приказу не снимает с солдата личную вину за произведённый акт насилия, поэтому с позиций морали он преступник и нарушитель. Д. Макмаан отмечает, что вопрос с определением границ между комбатантами и нонкомбатантами куда более сложный, чем его видит М. Уолцер.

Например, оксфордский философ приводит в пример участие физиков Манхэттенского проекта в разработке ядерного оружия, которое являлось угрозой всему человечеству. Д. Макмаан недоумевает, как разработчики смертельного оружия могут являться нонкомбатантами, не подлежащими наказанию.

Аргументы Д. Макмаана выглядят убедительно: необходимо определять степень участия человека в войне и его влияния на конфликт, а не его социальный статус.

Показательно, что сам М. Уолцер признаёт трудность различения комбатантов от нонкомбатантов, но рассматривает это в ином аспекте. М. Уолцер отмечает, что современные ассиметричные войны приводят к ситуации, когда правительственным войскам необходимо искать



повстанцев, партизан и террористов среди мирного населения. Часто провести различие невозможно, поэтому правительство стоит перед выбором: прекратить войну или воевать против собственного народа. В таком случае М. Уолцер рекомендует прекратить боевые действия.

Примечательно, что в крайних случаях М. Уолцер допускает непреднамеренные жертвы среди гражданского населения, происходящие в ходе справедливой войны. Если причины войны действительно справедливы, а война является крайней необходимостью, можно согласиться на возможные жертвы среди нонкомбатантов вражеской стороны. В этом случае должен работать принцип пропорциональности: выгода напавшей справедливой стороны конфликта должна многократно превышать нанесённый ущерб мирному населению, что морально оправдывает жертвы. Этот постулат теории справедливой войны является неоднозначным для современной общественности, поэтому часто становится мишенью для критики.

Современная теория справедливой войны является компромиссом для представителей различных политических течений и концепций. Она находится в состоянии баланса между политическим реализмом и пацифизмом. С одной стороны, теоретики справедливой войны осуждают войну и не признают её средством достижения политических целей. С другой стороны, война может быть необходима при наличии веских моральных причин. Справедливая война предполагает строгое различие на комбатантов и гражданских, но не всегда может правильно его провести. Насилие по отношению к мирному населению недопустимо, но в крайних случаях может быть разрешено.

Теория справедливой войны несовершенна и зачастую противоречива, но она является оптимальным вариантом для современного общества. Война существенно ограничивается и не оправдывается политическими целями отдельных государств. Показательно, что моральное осуждение войны не вызывает её отмены, но существенно снижает количество жертв и жестокости в военных столкновениях. Серьёзная проблема теории справедливой войны заключается в том, что государства-агрессоры могут использовать теорию в собственных целях. Крайне трудно определить является ли причина по-настоящему справедливой. Ещё одну трудность представляет непонятная система арбитража, который должен выносить вердикт о справедливости начала войны и моральности её ведения.

### 6.3. Пацифизм

Ещё одной современной теорией войны является пацифизм. Пацифизм никогда не пользовался популярностью в широких слоях населения. Во многом это было связано с тем, что пацифизм рассматривается как одно из проявлений идеализма. Пацифизм предполагает полное непротивление злу. Одним из идеологов пацифизма стал Л. Н. Толстой (1828–1910), который призывал к отказу от государства как силы, вызывающей войну. Во взглядах писателя сочетались антивоенная христианская позиция непротивления злу и анархизм, стремившийся к уничтожению государства. Толстой отвергает насилие государства над человеком и призывает к «служению миру содействием установлению царства божия»<sup>36</sup>.

Показательно, что антивоенная позиция Толстого оказала существенное влияние на общественных лидеров XX в., например: Мартин Лютер Кинг и Махатма Ганди призывали людей защищать свои права ненасильственным методом. Мирные митинги, забастовки и бойкоты стали средством выражения позиций людей, что безусловно снизило количество возможных жертв. Пацифисты продемонстрировали, что бороться за свои права и показывать недовольство политикой можно различными мирными методами, не применяя насилие. Внимание общественности и властей можно привлечь яркими лозунгами, выступлениями лидеров, тщательно продуманной программой. Такая сторона пацифизма имеет право на существование, она вполне реалистична и подходит настроению общества. Примечательно, что многие другие базисы пацифизма подвергаются серьёзной критике.

В основе убеждений пацифистов находится сам факт неприятия войны. Представители консеквенционалистского пацифизма выдвигают тезис неэффективности любой войны: количество жертв и материального ущерба всегда будет превышать выгоды, полученные в ходе войны. Этот подход отчасти коррелирует с позициями экономистов и мыслителей начала XX столетия Нормана Энджела и Ивана Блюха. Очевидный недостаток этой точки зрения — риски появления стран-агрессоров, для которых такие экономические предупреждения не будут являться весомым аргументом. Показательно, что сторонники консеквенционалистского пацифизма выдвигают абсолютно правильный и экономически выверенный тезис, но наличие множества нюансов делает их надежды на мир утопическими.

36 Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас. С. 199.

Сторонники деонтологического пацифизма убеждены в том, что война должна быть упразднена, так как нарушает базовые принципы морали и сосуществования людей. Убийство — самое серьёзное нарушение морали, поэтому, отказавшись от насилия, что свойственно человеку, общественность обретёт мир.

Точка зрения пацифистов имеет право на существование, но слишком противоречива. Реализация идей полного ненасилия возможна лишь в идеальном мире, где люди никогда не нарушают законы и действуют исключительно во благо общества. Реальность такова, что пацифисты складывают оружие при вторжении агрессора, следствием этого может послужить потеря суверенитета государством, истребление населения, рабство. В случае непротивления злу, оно может захватить и подчинить себе весь мир, что будет многократно превышать издержки, полученные государствами в ходе войны.

Критики отмечают, что пацифисты проживают на территории государства с соблюдением прав, пользуются благами, которые предоставляет государство, но в момент опасности готовы добровольно устраниваться от боевых действий и не выполнять морального долга перед Отечеством.

Показательным примером философской критики пацифизма, в частности толстовства, является труд видного российского мыслителя В. С. Соловьёва (1853–1900) «Три разговора». Он сравнивал толстовцев с сектантами-старообрядцами, упрекая в развитии ложного учения и неправильной трактовке ключевых принципов<sup>37</sup>. Например, В. С. Соловьёв настаивает на том, что зло — самостоятельная сила, с которой необходимо бороться. Крайнее проявление зла — смерть, поэтому настолько важна искупительная жертва Христа, который победил смерть. Позиция толстовцев о том, что зло — недостаток добра, является крайним упрощением и заблуждением. Непротивление злу насилием на практике оборачивается неоказанием помощи жертвам зла. В. Соловьёв также критикует идею толстовцев о необходимости всегда следовать голосу совести. Философ отмечает, что совесть — нравственный защитный механизм, который не способствует созиданию, не порождает вдохновение добра. Эта точка зрения В. Соловьёва во многом схожа с позицией И. Ильина, который признавался, что на войне человек должен идти против совести ради обновления духа.

37 Соловьёв В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Три свидания. Москва, 2018. С. 7.

Наконец, пацифизм вынужден добровольно сосуществовать с геноцидом, рабством, угнетением слабых. Вышеперечисленные факторы наглядно демонстрируют неконкурентоспособность пацифизма при сравнении с другими политическими теориями. Пацифизм может успешно существовать в теоретической плоскости, но на практике ему нет места. Подтверждением может служить опрос населения России, проведённый Левада-центром в 2014–2018 гг. Согласно исследованиям, большинство граждан видит угрозу возможного военного конфликта, но будет на стороне действующего правительства. Безусловную поддержку власти в случае войны окажут 36 процентов опрошиваемых, ещё столько же, с высокой долей вероятности, выступят на стороне власти, и только 2 процента абсолютно точно её не поддержат. Остальные 24 процента в равной степени не определились с ответом или, возможно, осудят действия правительства. Таким образом, согласно проведённому исследованию, лишь 2 процента граждан с уверенностью могут назвать себя пацифистами, что показывает реальное положение дел сторонников этой политической теории.

### Заключение

Первая половина XX в. — время доминирования милитаристического подхода. Война прекращает быть орудием политики, становится ничем не ограниченной силой. Миллионы людей гибнут от насилия, исчезает деление на комбатантов и нонкомбатантов, опасные заблуждения теоретиков регулярной войны приводят к мировой катастрофе.

Вторая половина XX в. характеризуется изменением общественного сознания, вследствие чего появляется необходимость нового взгляда на войну. Она порицается обществом, холодная война и фактор ядерного оружия делают новую мировую войну крайне маловероятной. Открытых войн между государствами всё меньше, их место занимают прокси-войны, гибридные войны и асимметричные конфликты. Термин «война» прекращает использоваться в своём первоначальном значении. Но спецоперации, борьба с терроризмом и повстанцами символизируют новую личину войны, но никак не её отмену.

Наступивший XXI в. требует вновь переосмыслить такое явление, как война. Очевидно, что идеалистические проекты вечного мира И. Канта, Ж.-Ж. Руссо или Шарля Сен-Пьера не имеют ничего общего с реальностью современного мира. Великие мыслители построили свои концепции в теоретической области, но и они практически

не получили применения даже несколько столетий назад, когда политическое устройство государств и их взаимодействие друг с другом было более упрощённым.

Теория пацифизма, сформировавшаяся при участии таких великих деятелей, как Л. Н. Толстой, Мартин Лютер Кинг и Махатма Ганди, является контрпродуктивной и не выдерживает серьёзной критики в современных реалиях.

Человечество не сможет скрыться от войны или её отменить. Войну можно представить древним ремеслом или сравнить с торговлей, которая является актуальной на протяжении существования человека. По степени влияния война уподобляется культуре, ибо на протяжении многих тысячелетий воспитывает человека и трансформирует его.

Война — сложнейшая система, затрагивающая не только внешне-политические интересы государств, но и духовный мир человека в целом. Наивно полагать, что научный прогресс или повышение интеллектуального уровня общественности приведёт к отмене войны и её забвению. Мировые войны первой половины XX в. прямое тому доказательство, а развитие науки характеризовалось не только открытием пенициллина или появлением периодической системы химических элементов. Наука породила атомную и водородную бомбы, химическое оружие и лаборатории концлагерей.

Наивно полагать, что современные методы ведения войны, роботизация и использование беспилотных летательных аппаратов существенно изменят количество жертв на войне. Война может в очередной раз изменить свой облик, место полевых командиров займут офисные работники, управляющие беспилотниками. Но это не изменит сути, роботы будут беспрекословно выполнять приказ наводчика и безжалостно убивать врага: другого робота, солдат или мирных граждан, находящихся в зоне конфликта.

В ходе исследования общественно-политических и философских взглядов на войну выделены следующие тезисы: войну невозможно отменить, она должна быть адаптирована к современным ей реалиям и максимально ограничена, насилие на войне — главное зло, с которым нужно бороться всеми возможными средствами, прежде всего конвенционально, необходимо строгое различие между комбатантами и некомбатантами, страна-агрессор должна нести ответственность перед мировой общественностью.

Наконец, стоит признать, что философия не сумела справиться с поставленной проблемой — определить чёткое место войны в системе

человеческих отношений и сделать её крайней мерой взаимодействия. Монополизация войны государствами сделала её практически нерегулируемой. Международное право и конвенциональный подход не смогли себя оправдать в полной мере. Теоретики и юристы были заняты определением допустимых причин для войны и наказанием ответственных. Правители государств в это время наращивали военный потенциал стран и втягивали население в тотальную войну. Показательно, что философский подход учитывал все возможные факторы, кроме духовности человека и поврежденности его природы. Эти факторы являются ключевыми в богословском подходе. В этом контексте наиболее продуктивно осмысление войны русскими религиозными мыслителями начала XX в. С большой долей вероятности можно предположить, что актуализация православного богословского понимания войны способна существенно обновить и дополнить теорию справедливой войны, что, в свою очередь, позволит обществу более эффективно осмыслить проблему войны. Православное богословское понимание войны будет подробно рассмотрено в следующей статье: «Православное осмысление войны на основе Священного Писания и святоотеческого наследия».

### Источники

Резолюция генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 года // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать девятая сессия [18 сентября — 17 декабря 1974 г.]. Нью-Йорк: [Б. и.], 1975. С. 181–182.

### Литература

- Бердяев Н. А.* Душа России // Русские философы о войне / [сост. И. С. Даниленко]. Москва; Жуковский: Кучково поле, 2005. (Классическая военная мысль). С. 248–286.
- Бердяев Н. А.* Мысли о природе войны // Русские философы о войне / [сост. И. С. Даниленко]. Москва; Жуковский: Кучково поле, 2005. (Классическая военная мысль). С. 286–295.
- Боянич П.* Этика войны в странах православной культуры: Коллективная монография. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2022.
- Булгаков С. Н.* Русские думы // Русские философы о войне / [сост. И. С. Даниленко]. Москва; Жуковский: Кучково поле, 2005. (Классическая военная мысль). С. 303–316.
- Восторгов И., прот.* По поводу войны с язычниками // *Восторгов И., прот.* Полное собрание сочинений. Т. II. Санкт-Петербург: Царское Дѣло, 1995. [Москва: Русская печатня, 1914]. С. 420–424.

- Гольц К., фон дер.* Вооруженный народ: Сочинение об устройстве армии и образе ведения войны в наше время. Санкт-Петербург: Военная тип., 1886.
- Жирар Р.* Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантрон / пер. с фр. Москва: Изд. ББИ, 2019. (Серия — «Философия и богословие»).
- Зомбарт В.* Торгаши и герои // *Зомбарт В.* Собрание сочинений: [в 3 т.]. Т. 2. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2005. С. 8–12.
- Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою. 20. О ложных решениях проблемы // *Ильин И. А.* Собрание сочинений: [в 10 т.]. Т. 5 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; худож. Л. Ф. Шканов. Москва: Русская книга, 1996. С. 188–202.
- Ильин И. А.* Основное нравственное противоречие войны // *Ильин И. А.* Собрание сочинений: [в 10 т.]. Т. 5 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; худож. Л. Ф. Шканов. Москва: Русская книга, 1996. С. 8–31.
- Иоанн Кронштадтский (Сергиев), прав.* Слово 9 (31). На день перенесения св. мощей благоверного великого князя Александра Невского, бывшего в 1724 году при Императоре Петре I-м, из Владимира в Петербург // Новые грозные слова отца Иоанна (Кронштадтского) «О Страшном поистине Суде Божиим грядущем и приближающемся». 1906–1907 года. Санкт-Петербург, 1908. (Приложение к журналу «Кронштадтский Маяк» № 27 1908 г.). С. 86–88.
- Калдор М.* Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. Москва: Изд. Института Гайдара, 2015.
- Керсновский А. А.* О природе войны // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции / сост. И. В. Домнин. Москва: Русский путь, 1999. С. 16–30.
- Коньшев В. Н.* Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. Санкт-Петербург: Наука, 2004.
- Кревельд М., ван.* Расцвет и упадок государства / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. Москва: ИРИСЭН, 2006.
- Куманьков А. Д.* Война, или в плену насилия. Санкт-Петербург: Изд. Европейского университета в Санкт Петербурге, 2019.
- Люттвак Э.* Стратегия. Логика войны и мира. Москва: Русский фонд содействия образования и науке, 2012.
- Мизес Л., фон.* Всемогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006.
- Моргентау Г.* Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений: хрестоматия / под ред. П. А. Цыганкова. Москва: Гардарика, 2002.
- Николай Сербский (Велимирович), свят.* Война и Библия / пер. с серб. С. П. Фонова; общ ред. И. М. Числова. Москва: Сибирская Благовонница, 2022.
- Соловьёв В. С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Три свидания. Москва: Карамзин, 2018.
- Толстой Л. Н.* Царство Божие внутри вас // *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: [в 90 т.]. Т. 28. Москва: Художественная литература, 1957. С. 33–200.

- Эренбург И. Г. Убей // Эренбург И. Г. Война. 1941–1945. Москва: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. С. 256–257.*
- Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York (N. Y.): Alfred A. Knopf, 1978.*
- Waltz K. Man, The State and War: A Theoretical Analysis. New York (N. Y.): Columbia University Press, 2001.*
- Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration. New York (N. Y.): Basic Books, 2015.*